

Мысли о музыке

Оригинал здесь -- <http://www.vpds.ru/journal/arxiv/1-2008/html/14.htm>

Привольно душе носиться по волнам звуков, по гармоническому их разливу в широту и глубину. Я страстно люблю эту музыку, которая то возносит дух на какую-то высоту, светлую, божественную; то, прихотливо волнуя неизъяснимой тревогой, низвергает в неизмеримую глубину - глубину смертную и мрачную; то снова несет в область света и утешения, дышит на него роскошью жизни и набожным успокоением.

Но звук умер. Душа погружается сама в себя, томится неразгаданностью того влияния, той власти в музыке, которой она так охотно, с таким наслаждением покоряется. Отчего в музыке (когда она создание гения), отчего в этой музыке слышится такой усладительный и знакомый душе голос? Откуда в ней эта власть над душою? Откуда эта полнота, как будто в ней целый мир, вся повесть жизни и судеб со всеми превратностями?

Отказываюсь от суждений - и мысли рождаются, пробуждаются заветные думы; берусь рассуждать - и мысли бегут, бегут, как звуки, уходят, свободные, от оков моего слова; я не найдусь дать образ этим бесплотным, чудным видениям души.

Нет! Сокрушительные вздохи не облегчают сердца. Мне чудится, мне снится, как эти музыкальные звуки дробятся и бегут в бесконечность... Я слышу, как на эту песню, на этот отзыв струны откликается все близкое, родное в природе... Признайся же мне, гений-музыкант: ты у природы подслушал гармонические звуки свои? Ты только собрал тоны, рассеянные в беспредельном пространстве, и приблизил к нашему уху? Ты создал из этих тонов общий поэтический язык жизни, воодушевил их жизнью собственного сердца и фантазии? Ведь в смысле твоих звуков заключается вся наша душа, вся постигаемая ею природа?

Сильно, неумолкаемо говорит в нас за себя побуждение высказывать тайны своего сердца. Одинокое, глубокое чувство тягостно, невыносимо. Дайте ему слово, дайте голос, дайте инструмент - это чувство должно вылететь, хоть на ветер, но только вылететь! И у человека есть это слово, этот голос, этот инструмент. Он рад ему - рад способу выразить себя и, даже выражая что-либо постороннее, он не воздержится, что оно сколько-нибудь не было проникнуто его собственным чувством. В этом-то чувстве вся тайна явления наших инструментов, и вся тайна того, почему в звуках мы слышим преимущественно историю человеческого сердца. Звуки приятной мелодии, звуки торжества, ужаса, уныния и тоски - все это повторение того, что условливает явление человеческой улыбки, светлого взора, кипения страстей, слезы и тяжких дум. Самое безотчетное наслаждение музыкальностью волнуется только под влиянием этого смысла ее. Душа им тронута, хотя и без ведома об этом. Какими бы глазами мы ни смотрели на ноты и струны, они все будут те же буквы, те же слова, удаленные только от определенной частности их значения в музыкальную поэтическую общность. Человеческий голос, соглашая текст песни с звоном инструмента, есть самый внятный и пленительный представитель того тесного союза, который находится между жизнью звуков и жизнью нашего сердца, между душою всякого музыкального создания и духом каждого внемлющего ему без равнодушия; а характеристическая мимика под тон музыки явно указывает на этот союз. Музыка - мятежная душа наша.

Но это обилие, эта роскошь, эта полнота, эта бездна тени и света в гармонических звуках - целый мир, целый мир со всеми своими изменениями, превратностями и разнообразием. Почему же так? Не может ли слово микрокосм-человек объяснить это? Не может ли дать мысль и поставить эту тайну не тайной - любовь наша к родной внешней природе, крепко допытливая наблюдательность и внимание к ней? Да! Струны гения звучат жизнью всемирной: рев зверя, голос птицы, шелест ветерка, плеск волны, раскат грома, завывание бури, стон жадного пламени, шум дождя - все отозвалось на струнах под его рукою, все получило от него вторую, поэтическую, жизнь. Сдается, будто и то, что молчаливо живет, что сказывается сознанию только цветом, запахом, вкусом, и без того и другого существует только как осязаемое, - даже все это вошло в состав, вошло в смысл той оратории, которую создает музыкант. Нижние октавы, если следить их в некоторых изменениях, дают идею чего-то мрачного, горького, тяжелого; высокие тоны, напротив, более или менее приятны: они заключают в себе какую-то сладость, что-то легкое и светлое. Так все откликается на свой родимый звук. Все предметы подходят под свою родную идею известных звуков и остаются навсегда ему верными. Возьмите на вашем инструменте любимые ваши аккорды! Они приведут на память все вам любезное; эти звуки заговорят языком дружбы о местах, священных для вас в воспоминании, о всем, что когда-либо произвело на вас приятное